Лурье... Ещё Лурье...

Юрий Колкер

SHOUT
SHARE
IT

-
- ЯКОВ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛУРЬЯ
- СОЛОМОН ЯКОВЛЕВИЧ ЛУРЬЯ
- ЯКОВ СОЛОМОНОВИЧ ЛУРЬЕ
- ЕЩЕ ЛУРЬЕ

Юрий Колкер

ЛУРЬЕ… ЕЩЕ ЛУРЬЕ…

Я. С. ЛУРЬЕ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕУ СПБ, 2004

(2005)

Жили-были три носителя фамилии Лурья (да-да: Luria, не Lurie): старший, средний и младший. Конечно, можно и так произнести: Луриа. Более привычное написание — Лурье — появляется во втором поколении: как уступка толпе; но в самых важных случаях в ход шло правильное написание.

Старший (быть может, самый замечательный) сегодня присутствует только в семейном предании. Средний оставил после себя книги, из которых одна *вряд ли когда-либо устареет*, разве что — вместе с видом homo sapiens (случай, согласимся, нечастый); о нем знают еврейские энциклопедии и БСЭ. Третий оставил книги и попал в новый российский Большой энциклопедический словарь. Ни одного нет в живых. Каждому хочется возразить (вернейший признак, что имеешь дело с единомышленником). Младшему, среди прочего, принадлежит книга о среднем, которую стоит прочесть. (Я. С. Лурье. История одной жизни. Издательство Европейского университета, СПб, 2004.)

Я. С. ЛУРЬЕ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

ЯКОВ АНАТОЛЬЕВИЧ ЛУРЬЯ

Старшего звали Яаков-Аарон бен-Нафтоли (1862-1917), иначе — Яков Анатольевич. Родился он при Александре II в Могилеве. Времена стояли странные: евреям не только не чинили препятствий, их поощряли идти в гимназии и университеты — в надежде просветить этот темный народ, распрямить ему спину, рассеять его вековое невежество и приобщить к цивилизации, то есть к христианству. Как известно, дела в этом направлении пошли плохо. Образованные евреи слишком часто становились вольнодумцами, а то и революционерами. Численность их росла очень быстро. При Александре III была введена процентная норма.

С юности Яков Лурья обнаружил замечательные способности. Он обладал эйдетической памятью: мог после единственного прочтения воспроизвести страницу текста, притом даже на новом для себя языке. А память, что ни говори, — основа разума; без нее и пресловутые творческие способности недорого стоят. Так что зря мы все хором жалуемся на плохую память. Неосмотрительно это. Зря держим в уме, что при плохой памяти люди мы умные. Тут усомниться позволительно.

Мальчишка рос дерзкий и самостоятельный. Бедность не помешала ему окончить гимназию и петербургский университет по естественному отделению, притом со степенью кандидата. Тут он промахнулся: преподавать евреев к этому времени уже не пускали. Тогда Яков Лурья окончил медицинский факультет в Харькове и стал практикующим врачом. Это разрешалось.

Практиковал он странно: денег с бедных не брал (им позволялось положить кое-что на тарелку при выходе; но, говорят, пациенты чаще брали, чем клали). Был он окулистом — и как врач прославился. К нему приезжали издалека. А жил бедно. Когда был выслан в Архангельскую губернию в 1905-м, оставил без средств жену, троих сыновей и дочь. К счастью, ссылка длилась только два месяца (до царского манифеста и амнистии). Повезло семье и в том отношении, что старший сын (средний Лурья в нашем списке), четырнадцатилетний Соломон, уже подрабатывал уроками.

Яков Лурья был русским патриотом: верил в демократизацию России, уповал на закон (в чем следовал своему любимому писателю Короленке). В сущности, это было диссидентство, потому что власть в России, издавна и по сей день, сама — первый правонарушитель, держит монополию на беззаконие,

подменяет право силой. За попытку указать на это представителям власти доктор и угодил после могилевского погрома (9-10 октября 1904-го) сперва в черный список, а затем на Белое море. Что он оружие дома хранил и революционеров укрывал (хоть и осуждал их), об этом власть не узнала. Иначе не ссылка была бы ему наказанием.

Кроме того, Яков Лурья был антисионистом, стоял за ассимиляцию, за *самороспуск* (как позже выразился ровесник его старшего сына Борис Пастернак) этой странной общности — еврейского народа. Еще он был воинствующим атеистом, не верил в «небесного городового», нарушал субботу, младшего сына отказался обрезать. В Могилеве слыл не только мудрецом, но и чудаком.

Он презирал традицию, противопоставлял ей разум. Здесь мы переведем дыхание, чтобы воскликнуть: перед нами заблуждающийся гений! Да, традиция сковывает, а подчас и мертвит; да, молодому думающему человеку свойственно изумляться людской косности и отвергать ее. Но вот что мы сейчас знаем, усвоили после большевизма и нацизма, после футуризма и кубизма, с подсказки Фридриха фон Хайека и других мыслителей венской школы: традиция в чем-то умнее самого умного из нас; она воплощает коллективный гений; она ведет, поддерживает, умиротворяет; и она любит, чтобы ее развивали. Когда ее сметают с пути как нечто отжившее, получаются гильотина, газовые камеры, ГУЛАГ, 11-е сентября, а если говорить об эстетике — черный квадрат и овца в формальдегиде, постыдный вздор, который нам выдают за искусство. Разум ошибается. Это в его природе. Он несовершенен. Самодовлеющий, надмевающий разум несет жестокость и смерть.

В своем резком отрицании традиции во имя разума Яков Лурья протягивал руку XVIII веку, а в общем и целом, в своем мировоззрении, — был верным сыном девятнадцатого: отрицал любое вненаучное и внелогическое постижение мира. Какой контраст с нашей сегодняшней толпой глупых суеверий, хлынувших с Востока! с тупым ханжеством сегодняшней православной России! Впрочем, и тут Яков Лурья переборщал: например, отобрал у старшего сына сказки Гауфа.

Этот законченный максималист напрочь отвергал всякую дискриминацию, был знаменосцем справедливости, не различал «своих» и «чужих». Казалось бы, чего лучше? Перед разумом, законом, перед скальпелем хирурга (и перед Богом, которого нет) все должны быть равны: бедные и богатые, евреи и русские. Но тут спросим: как быть с любовью? Любить — тоже всех поровну? Если быть последовательным, то придётся сказать: да. А старший

Лурья изо всех сил пытался быть последовательным. По счастью, не смог. Пожалуй, так и не понял, что шел тут не до конца: всё-таки предпочитал свою семью другим семьям. Идти до конца значило бы отрицать любовь, родство, душевное тепло; значило — стать Троцким.

Характернейший момент! Чистый разум — отвергает любовь. Не велит любить своих близких, своих друзей, свой народ. Чужие ведь не хуже, а часто и лучше своих. Любовь, рассуждая логически, есть форма коррупции. А кто всех любит одинаково? Только разве что Бог (да и то не всякий). И выходит, что, следуя разуму (отвергая традицию и любовь), мы сами, некоторым образом, уподобляемся богам, возвышаемся до Бога. Становимся над людьми, иначе говоря. А потому и не щадим людей, которые ведь в своей массе — недоучки, недоумки… разве нет?

Традиция, пусть подчас косная и мертвящая, умеряет нас в нашей страсти быть последовательными и всезнающими. Смиряет. Уравновешивает любовь и жестокость.

Странно вымолвить: этот могилевский окулист блистательно владел латынью и греческим, не говоря о нескольких новых языках. Владел не как врач владеет латынью, а как редкостный знаток, как ученый-античник; прочел в подлиннике практически всех древних авторов, знал и понимал их лучше иных специалистов; консультировал (в письмах) родного сына, когда тот стал ученым, специалистом мирового класса. Книг не написал; оставил гору тетрадок с заметками, в том числе этнографическими.

Энциклопедически образованный человек, он был лишен музыкального слуха, литературу понимал по-писаревски, в живописи ценил главным образом передвижников (как позже другой гений, физик Лев Ландау). Что ж, и на солнце есть пятна. «Нельзя объять необъятное…»

Яков Лурья умер в 1917 году своей смертью, не дотянув до пятидесяти пяти лет. Грандиозная фигура. Великий человек, великий даже в своих заблуждениях. Великий и безвестный.

СОЛОМОН ЯКОВЛЕВИЧ ЛУРЬЯ

Shlomo Luria, он же Соломон/Шломо Лурье/Луриа

Средний Лурья, сын Якова Анатольевича Соломон, родился в декабре 1890 года по старому стилю. Рано выказал способности к математике. Окончил с золотой медалью гимназию, куда попасть было непросто при жесткой пятипроцентной норме для евреев (их в Могилеве насчитывалось больше половины). Прогимназию пришлось проходить в Литве. Еврейских медалистов в России было в эту эпоху много, и медаль совсем не гарантировала поступления в университет. Номинально отбирали тех, чьи заявления поступили раньше (все медалисты шли без экзаменов); на деле решающими оказывались другие факторы, в том числе «великая хартия вольностей еврейского народа» (по определению старшего Лурья): взятка. Поскольку эту хартию Яков Анатольевич отвергал в принципе, ему пришлось придумывать другой ход.

Гимназическое образование к началу XX века было сильно урезано. Греческий язык, например, стал предметом факультативным (латынь оставалась обязательной). Зато пятерка по греческому значительно увеличивала шансы абитуриента. Вот этому-то языку Яков Анатольевич и выучил своего старшего сына Соломона.

«Ни отец, ни сын не предвидели, что этот опыт, предпринятый ради сугубо практических целей, окажет решительное влияние на судьбу Соломона Лурье» (Я. С. Лурье. История одной жизни. Издательство ЕУ СПб, 2004.)

Сын стал античником, филологом-эллинистом. Мировую известность получил как Salomo Luria (печатался за границей в основном по-немецки и по-итальянски).

На берегах Невы Лурья-средний стал писаться *Лурье*, уступил господствовавшему в России написанию этой фамилии, хоть и слышал от отца, что оно — неверное. Его жизнь и карьера — золотое сечение предсовесткой и советской истории, особенно же — истории русского и русско-советского антисемитизма.

Бросим взгляд на послужной список ученого. За студенческую работу о Беотийском союзе он получил в университете большую золотую медаль; был оставлен при университете для подготовки к профессуре. (Для этого пришлось креститься в лютеранство; профессор Сергей Жебелёв говорил в 1918 году: «Все мы виноваты в революции; вот и я тоже: оставил при университете еврея!». Странная логика, не правда ли? Ведь Жебелев, тем самым, еврея *нейтрализовал* как потенциального революционера.)

С 1918-го по 1921 год Соломон Яковлевич преподавал в самарском университете, в 1921-29-м, в 1934-41-м и 1943-49-м — в ленинградском университете; в 1941-43-м — в иркутском университете; доктор исторических наук с 1934-го (без защиты диссертации); доктор филологических наук — с 1943-го; с 1950-го по 1953-й преподавал в одесском университете, с 1953-го — профессор львовского университета.

Он опубликовал более двухсот работ по древней истории и языкознанию, эпиграфике, философии, истории науки. Основные труды: *Антисемитизм в древнем мире* (1922), *История античной общественной мысли* (1929); *История Греции* (учебник, вышла в 1940-м только первая часть), *Архимед* (1945), *Очерки по истории античной науки* (1947), *Геродот* (1947), *Язык и культура микенской Греции* (1957). Он написал несколько детских рассказов (*Письмо греческого мальчика* и другие).

А книга, которая никогда не устареет, вышла посмертно. Это *Демокрит; тексты, перевод, исследования* (1970). Ни одно

сочинение первого атомиста до нас не дошло. Демокрита нужно было реконструировать по фрагментам из других античных авторов. Это делали и до Лурье (немцы), но его собрание едва ли удастся когда-либо расширить. Находок тут не ожидается.

Итак, никакой математики? Да, ее Соломон Лурье отверг (не вовсе, а как дело жизни) еще абитуриентом. Сохранилось его высказывание, неожиданно глубокое в устах юноши: математика — «действительно занимательная штука, но это не наука, а только замысловатая и очень интересная игра: наполнить человеческую душу она не может». На Западе, заметим, математику и не относят к наукам; как и философия, она — не science. Неужто мальчик слышал об этом 17-летним? Вряд ли. Скорее сам понял. Но знание математики и любовь к этой «игре» ему пригодились. Когда в 1929 году в СССР отменили преподавание истории (!), и Лурье остался без работы, он устраивается преподавателем математики в один из ленинградских техникумов.

В послужном списке ученого бросается в глаза охота к перемене мест. Соломон Лурье и в самом деле был таков; еще подростком легко менял города и адреса. Но, конечно, не по своей воле он несколько раз оставлял свою almam matrem. В Самару — был выброшен революцией, в Иркутск — второй мировой войной (выехав в эвакуацию чуть ли не с последним поездом, он *с дороги телеграфировал* в несколько университетов — и был принят в иркутский). А в 1949-м, в ходе кампании против безродных космополитов, — его, дважды доктора наук, увольняют из университета «за несоответствие занимаемой должности» (как потом выяснилось, сама эта формулировка была незаконной).

От своих академических коллег Соломон Лурье получил прозвище *короля бестактности*. Первой и сознательной его бестактностью было то, что он никогда не стыдился своего еврейства. Даже лучшие из русских дореволюционных интеллигентов зачастую не понимали такого: они, идя навстречу несчастным инородцам, готовы были разве что стыдливо не замечать их прирожденного порока (а евреи в этом подыгрывали им). С подобным Соломон Лурье столкнулся в петербургском университете — и не пожелал подстраиваться, не отряхнул со своих ног праха старого мира. Непоколебимый атеист, одинаково чуждый иудаизму и христианству, он свое вынужденное крещение называл «гнуснейшим из компромиссов», «взяткой» — и сразу же отказался от него после февральской революции: прошел в синагоге процедуру формального возвращения к религии предков.

А это — разве не бестактность? Соломон Лурье всегда и обо всём говорил по существу (то есть некстати, без учета «духа времени» и текущей политической конъюнктуры), никогда не держал нос по ветру, то и дело бросал вызов судьбе и людям. Чего стоит хотя бы его попытка предпослать своей книге (в 1948-м!) сочиненное им на древнегреческом языке двустишье, посвящение репрессированному Л. С. Полаку?

Преподнося этот дар Льву, Соломонову сыну,
Вскоре надеюсь тебя встретить, мой друг дорогой.

Он рисковал карьерой, если не жизнью (из лагерей не все возвращались). Спасли коллеги. Президент академии наук С. И. Вавилов распорядился вручную вырвать лист с посвящением из всех трех тысяч экземпляров уже отпечатанной книги. И никто не донес!

Лурье не стыдился не только своего еврейства, но и своей провинциальности, которая вообще очень часто бывает (в его случае — точно была) плодотворной. Жесткая, контрастная местечковая жизнь дала юноше закалку, пригодившуюся взрослому. Закалку — и гордость. Еврейскую традицию и травлю евреев Соломон знал не понаслышке; первую готов был отстаивать, второй — противостоять. Но та же провинциальность была источником бессознательных бестактностей. Этот историк, филолог, эллинист был, что называется, не излишне любезен в тогдашнем несколько салонном столичном академическом мире.

Обе бестактности, сознательная и бессознательная, шли от одного корня: от самодостаточности, национальной и личностной. Отсюда же — и стоическое приятие ударов судьбы, и дивное равнодушие к внешнему успеху, к карьере. Власть переродилась? вчерашние интернационалисты стали гонителями-антисемитами? Это уже было под солнцем. Не дают заниматься любимым делом? И это не впервой. Спиноза линзы шлифовал. Перебьемся. Плохо сочетающиеся фигуры древнего иудея и философствующего эллина сошлись в Соломоне Лурье, дали небывалый сплав: фигуру несколько неуклюжую, но монументальную.

Ранняя его работа *Антисемитизм в древнем мире* (1922) тоже была вызовом и бестактностью: она объясняла антисемитизм … низостью евреев. Не удивительно, что антисемиты подняли ее на щит, называли «первой честной книгой об антисемитизме, написанной евреем». В 1930-е годы ее, по слухам, хвалили вожди нацизма (Геббельс или Розенберг). Но все они попались в расставленную автором ловушку. Те, кто читал книгу внимательно, прочли в ней, например, следующее:

«Инстинкт национального самосохранения приучил

евреев вовсе не реагировать на менее тяжелые обиды, а на более тяжелые реагировать не рефлексом, но разумом. Но с точки зрения античной морали такой способ реагировать на обиду считался недостойным свободного человека… Евреи же эту естественно возникшую черту, не нуждающуюся ни в порицании, ни в осуждении, возвели в высшую добродетель. Христианский принцип "ударившему в правую щеку подставь левую" — не что иное как вышедшая из еврейских недр утрировка этой специфически национальной особенности, уже евреями возведенной в ранг добродетели…»

Низость — оказывается на деле гордостью. Автор гордится своими предками. Он, скорее всего, убежден, что христианство — разбавленный иудаизм. Исходная настойка оказалась слишком крепкой для народов, ставящих рефлекс выше разума.

В годы советской послевоенной травли евреев Соломон Лурье с готовностью принял на себя кличку безродного космополита, не видел в ней ни обиды, ни неправды. Он действительно чувствовал себя космополитом. Доживи он до эпохи эмиграции, он, пожалуй, уехал бы. Куда? Мог — в Израиль, чтобы и там стать безродным космополитом, чужим среди своих. А мог — в Европу, Америку, Австралию. Дорожа принадлежностью к евреям, он не абсолютизировал национального элемента ни в себе, ни в обществе. Государство, построенное на основе общинного самоуправления меньшинств, представлялось думающим людям начала XX века (не без влияния британского мыслителя лорда Актона, 1834-1902) самой передовой идеей, светлым будущим, подсказанным народной жизнью многоплеменной Австро-Венгрии. Соломон Лурье согласен, что это — лучше территориального решения, но спрашивает: почему общины должны строиться по религиозному или этническому, а не по профессиональному или этическому принципу? —

«Разумным и последовательным будет преобразование нынешних казарменного типа государств в федеративный союз свободно организующихся небольших автономных общин по возможности однородного состава…»

То есть — в союз клубов, не правда ли? Чем еще могут быть такие общины? Блестящая, захватывающая перспектива! Конец угнетению человека человеком. Свободы станут неслыханными, упоительными. Одно только тут не предусмотрено: в клубы ведь принимают выборочно, не всех и каждого. Попробуйте-ка с улицы попроситься в состав членов Атенеума. Будь вы хоть десять раз *однородны*, вам откажут. Там собираются люди *более однородные*. В христианство, даже в иудаизм — поступить куда проще. Властолюбие, интриги, зависть, коррупция — вот что будет

управлять каждым из клубов и союзом клубов. Клубы будут взрываться изнутри и дробиться, пока не сведутся к семье (самому естественному из всех клубов), а поскольку и семья уходит, то — к индивидууму. Каждый сам будет себе клубом. Произойдет полная атомизация общества. К чему, как мы видим, дело давно уже идет всюду и без этой идеальной модели государства…

…В конце жизни судьба свела Соломона Лурье с Надеждой Мандельштам. Та почему-то заподозрила в новом знакомом «поклонника Маяковского» — и промахнулась: он был вообще глух к современной поэзии, читал лишь Сашу Черного, пренебрежительно относился к Блоку, в Анненском ценил только переводчика Еврипида, а сам увлекался — Аристофаном с его публицистичностью, натурализмом и фривольностями. Любил, говоря попросту, третий штиль в искусстве, где разуму дан больший простор, чем сердцу. В эстетике Лурье-средний был достойным сыном Лурье-старшего.

Соломон Лурье был чужд зависти. Гениальный мальчишка, англичанин Майкл Вентрис (1922-56), опередил его в расшифровке линейного минойского письма В. Другой бы зубами скрежетал, а этот радуется, восхищается Вентрисом, пишет ему восторженное письмо (ответ получает по-русски; Вентрис выучивал языки шутя), держит его портрет на своем письменном столе… Самому Соломону Яковлевичу не посчастливилось сделать столь эффектного лингвистического или исторического открытия, но из истории науки его не выкинешь. К великой досаде большевиков, заезжие западные эллинисты слишком часто знали только одно имя из всего длинного списка своих советских коллег — имя Salomo Luria.

ЯКОВ СОЛОМОНОВИЧ ЛУРЬЕ

Яков Соломонович Лурье

Памятливый народ евреи! И хорошее, и плохое помнят. Правда, помнить им — есть о чем (как сказали бы в Одессе), но тут неясно, где причина, а где — следствие. Ясно только, что при наличии выбора лучше принадлежать к евреям, если хочешь след по себе оставить. Больше шансов. А то, глядишь, на другой день после смерти тебя как раз и забудут. В России постройки деревянные, в Европе — каменные, а евреям — им всё нерукотворные памятники подавай.

Третий Лурья (1921-1996; Ya. S. Luria за границей, Яков Соломонович Лурье в России) был, как пишет БЭС, «российский литературовед, доктор филологических наук (1962)». Был он еще и историком, занимался преимущественно российским прошлым. Издал книги:

Идеологическая борьба в русской публицистике XV-XVI веков (1960),

Повесть о Дракуле (1964),

Истоки русской беллетристики (1970),

Общерусские летописи XIV-XV веков, и др.

Мы, в большинстве своем, этих книг не прочли, но не сомневаемся: они сделаны на совесть. Такая уж семья кряжистая.

Написал он и о своем отце. Написал жестко, точно, без восхваления, патетики и сыновней сентиментальности. Скорее критически, чем восторженно. Он вглядывается в жизнь отца, чтобы понять свою — и нашу. Он нигде не прибегает к местоимению первого лица единственного числа (а это, что ни говори, первейший признак хорошего стилиста; ведь мы, о чем бы не писали, всегда о себе-любимом пишем, так уж лучше обходиться без яканья хоть там, где это удается).

Его книга хороша в тех местах, где он историк. Например, в описании перерождения советского большевизма в русский шовинизм в 1930-40-х годы — и шире: о вырождении революционного государства, на глаза скатившегося в свою противоположность. Картина так полна и убедительна, что ее стоит коротко пересказать.

Еще до войны — в СССР запрещены аборты и восстановлены воинские звания. В 1940-м появляется звание генерала; после Сталинграда — погоны; красноармейцы становятся солдатами, краснофлотцы — матросами, командиры — офицерами. В школах — вводят раздельное обучение. Отменяется свобода расторжения брака. Вся ответственность за внебрачных детей целиком перекладывается на женщин (как раз вовремя; в войну таких женщин будут миллионы). Война приносит еще нечто забытое: преступников не только расстреливают, но и вешают. (Как при царе! Преемственность между империей и СССР больше не отрицается. Даже война с немцами кажется продолжением той, первой. Песня «Вставай, страна огромная!» со слегка подправленными словами заимствуется из 1914-го.) Частично восстанавливаются права и институты церкви, причем делается это с подачи нацистов; это они, оккупанты, открыли Киево-Печерскую лавру. В ответ Сталин в срочном порядке назначает в Москве патриарха, чей престол пустовал 18 лет. Церковь раболепно приносит «общесоборную благодарность» кремлевскому горцу: «глубоко тронуты сочувственным отношением нашего всенародного Вождя, Главы Советского Правительства Иосифа Виссарионовича Сталина». Ложь о катынской расправе подписывает (вместе с Алексеем Толстым) второй иерарх русской православной церкви.

Русское — прямо на глазах становится хорошим. Всё русское. Идут переименования улиц и городов. Всё «чужое» изгоняется. Никаких Ораниенбаумов, Нахимсонов и Либкнехтов. А что Желябов и Перовская — «герои в кавычках», согласно Краткому курсу истории ВКП(б), этого уже никто не помнит; их — оставить: свои. Каляев? Тоже наш, даром что эсер-боевик и убийца великого князя. Хороша страна Болгария, а Россия — лучше всех!

«Там, где одна страна — лучше, другая должна быть хуже; если существуют народы хорошие, могут существовать и плохие…» (*Я.С. Лурье. История одной жизни. Издательство ЕУ СПб, 2004.*)

Как в этом можно было сомневаться в те годы?! Один плохой народ уже выявлен: немцы. Они все поголовно нелюди. С начала войны Эренбург (рупор Кремля) призывает уничтожить всех немцев, превратить Германию в пустыню. «Сколько раз увидишь его, столько раз и убей…» К моменту вступления Советской армии в Германию сознание воинов-освободителей уже надлежащим образом подготовлено. Зверства творятся такие, каких Тридцатилетняя война не знала. Девочек насилуют на глазах родителей. В Россию доходят рассказы, леденящие душу. Ученик среднего Лурье, эллиниста, своими глазами видел труп пятилетней девочки — с воткнутой во влагалище новогодней елкой, на которой значилось: «На Берлин!». Но в России — многие находят всему этому оправдание: «А они что делали?!»

Плохие народы есть и дома. Ликвидируются автономные республики калмыков, крымских татар, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев. Все эти народы — поголовно — изменники. Всех их поголовно высылают.

С евреями было сложнее: они не сидели кучно; не было своей территории. Тут наступление повелось исподволь. В 1943-м — впервые — евреев перестают брать на некоторые должности и посты. С этого же года ни один еврей не получил звания героя Советского Союза. (С начала войны евреи шли на первом месте по числу героев на тысячу населения. Несмотря на скрытый запрет 1943 года евреи и к концу войны остались на втором месте — конечно, после русских, но с сильным опережением идущих третьими украинцев. Однако ведь русские — имя собирательное. По закону Российской Федерации любой человек, родившийся на территории республики, может быть записан русским, если его родители по паспорту разной национальности — *любой разной*; не требуется ни русской матери, ни русского отца). Сперва власть словно почву пробует: проглотят ли? Затем дела пошли с ускорением. Эпоха на дворе стояла кровавая, и ревнители хорошего народа смелеют. Михоэлса убивают еще из-за угла, как

бандиты. Зато расправа над Еврейским антифашистским комитетом устроена в том же 1948 году вполне открыто — и встречена всенародным пониманием… Когда в 1953 году дошло до дела врачей, честные представители лучшего народа тысячами предлагали себя в палачи.

Нет, не против евреев было нацелено острие травли. Вытравливали интернационализм, идеологию 1917 года. Учение о светлом будущем, где все сыты, выдохлось, стало слишком плоским, убогим. Будущее слишком долго не наступало. Настоящее было чудовищно. Требовалось, и немедленно, нечто иррациональное, густо-метафорическое, сокровенное. Победа в войне — единственная несомненная правда в море лжи, единственное, что объединяло и окрыляло многих, — распахнула ворота махровому патриотическому мифу.

К оторопи последних честных коммунистов — вместо Ленина и Маркса не по дням, а по часам разрастаются тени Александра Невского и Дмитрия Донского; Суворова и Кутузова; фетишизируется Иван Грозный, убивший больше русских, чем казанские татары. Послевоенные дети с улицы выносят убеждение, что русские — не только самый передовой, но и самый задушевный, самый лучший народ в мире, притом — с глубокой древности, с первых шагов своей истории. Прямо произнести вслух этого уже нельзя (так говорили о себе побежденные нелюди), но все всё понимают и без слов. Потому что этого не хватало, как воздуха, этого заждались, как оазиса, как глотка воды в теоретической пустыне интернационализма. Возникает русско-советский бутерброд: на поверхности — всеобще равенство (для заграницы), на душе — гордое сознание принадлежности к «первому среди равных» (для внутреннего пользования). Причем «среди равных» — говорится только из снисходительности, из великодушия к младшим братьям; все понимают, что русские — народ мессианский, несущий свет человечеству. (Тем самым найдено дивное утешение для всех и каждого, прямо-таки панацея, работающая и сегодня: пусть сам я мал и жалок, зато я велик вместе с моим великим народом.) Не Оруэлл, а Сталин придумал гениальное: все равны, но некоторые равнее. Это и есть главное наследие Сталина: искаженная историческая ретроспектива. Наркотик оказался стойким. Не выветрился по сей день. Им, этим послевоенным шовинистическим опьянением, в значительной степени объясняются и сегодняшние беды России…

А книга, о которой говорим, называется — *История одной жизни*…

Третья жизнь, жизнь и судьба автора книги, Якова

Соломоновича Лурье, вынесена в ней за скобки — в приложение, в *Посмертное послесловие*. Но и там автор пишет не столько о себе, сколько об отце и деде, о советской эпохе, а главное — излагает свои убеждения. Он — социалист и интернационалист; тот самый безродный космополит.

«Я не согласен с широко распространенным представлением о "национальном чувстве" и "любви к своему народу" как положительном и нормальном свойстве, служащем основой более широкой "любви к человечеству"… По своей сути национальное чувство антигуманно, так как противостоит идее равенства людей, оценке их только по личным свойствам…»

Стоп. Равенство — или оценка по свойствам? Оценка подразумевает неравенство. Не пора ли, наконец, признать, что неравенство неискоренимо, а равенство недостижимо даже в смерти — и антигуманно в еще большей мере, чем национальное чувство? В сущности, нас в очередной раз зовут к светлому будущему — в энтропийный рай. Там нет народов (есть только один народ), нет семьи (поскольку нет любви) и нет свободы (потому что нет индивидуальностей). Перед нами — скопище клонированных особей, многомиллиардное генетически идентичное Я. Там нет людей. Людям свойственны страсти и пороки. «Сами по себе вещи не бывают хорошими и дурными, а только в нашей оценке…», говорит Гамлет. Но оценок не будет. Оценивать будет нечего. Жизнь остановится…

В сущности, Яков Лурье-младший прав: всё идет в одно место; в то самое место, по Екклесиасту. С каждым годом на планете становится всё меньше языков и народов. Меньше любви и ненависти (да-да, и ненависти тоже, если говорить о ненависти подлинной, живой). С каждым часом ослабевает роль семьи. С каждой минутой становится больше унификации, меньше индивидуальности. Род человеческий мельчает. Идеи уступают место методам, творчество — схемам, искусство — поп-арту. По мере покорения природы мы всё больше становимся рабами вещей. Мы всё равнее и равнее друг перед другом… А неправ он в том, что не стоит торопить биологическую смерть вида homo sapiens. Эта смерть неизбежна (наш вид уступит место другому, эволюционно более перспективному), но с нею, с ее приближением, нужно бороться, как человек борется за свою жизнь со смертельной болезнью, не желая уступить свое место в жизни молодым и перспективным.

Нет, мы не хотим рационального равенства, пока мы люди. Не прельщайте нас этой страшной утопией, худшей из всех возможных. Мы хотим любить и ненавидеть, хотим человеческого тепла (не случающегося без человеческой холодности), хотим

красоты (оттеняющей уродство) и доброты (возможной только при наличии жестокости). Мы хотим истины, уравновешивающей наши биологические проявления. Иллюзорной, ускользающей, но зовущей истины. Без тяги к ней жизнь не имеет смысла. И достигается истина (пока что) только внутри таких устойчивых пережитков, как семья и народ. Внутри традиции. Абсолютизировать ее, провозглашать свою истину всеобщей — значит ненавидеть и презирать весь прочий мир. Тупик? Пожалуй. Но временный выход — есть, и указывают его безродные космополиты. Они готовы признать свою истину частичной — и оставить другим право иметь и любить свою частичную истину.

…О своем отце Яков Соломонович говорит: он не был писателем. Верно. Слог эллиниста мог бы быть чище, изящнее. Но то же самое справедливо и в отношении автора *Истории одной жизни*. Современный русский язык полон подвохов и ловушек, в которые Лурье-младший то и дело попадает. Зачем, например, он берет в кавычки слово табу? Оно — не хуже и не лучше слов керосин или томагавк. (Кавычки вообще часто свидетельствуют о душевной лени — и отдают советскими газетными передовицами. Это ведь большевики додумались брать слово в кавычки для придания ему иронического оттенка.) Как и многие, он не умеет склонять слово идиш, не чувствует, что «говорить на идиш» такой же вздор, как «говорить на русский». (Переполох в русском языке наделало появление Бангладеша. Большинство до сих по не понимает, что название этой страны — существительное мужского рода и должно склоняться совершенно так же, как *кулеш* или *падеж*. Московские газетчики не сумели грамматически уяснить себе название нового государства — под влиянием не освоивших русского одесских евреев с их нелепым «говорить на идиш».)

Фраза у младшего Лурье тяжела, прописана недостаточно рельефно, скучновата. Он не может выбрать между языком академических статей и языком мемуаров, не чувствует, что его жанр — былое и думы, и что тут нужно быть стилистом — иначе думы скрадываются. Историк вообще должен быть писателем, недаром вторая нобелевская премия по литературе (1902) досталась историку Моммзену, а недостижимый образец писательского мастерства оставил нам второй (после Геродота), на самом же деле первый историк человечества, Фукидид.

Habent sua fata libelli — так начинает свою вступительную статью к книге Наталья Ботвинник. «Книги имеют свою судьбу…» Эта книга — тоже. Она вышла сперва в Париже, еще при жизни автора, без *Посмертного послесловия* и под псевдонимом. В 2004-м — переиздана в Петербурге тиражом в тысячу экземпляров.

Бестселлером не стала и не станет. Прочитана и понята будет немногими, о чем можно только пожалеть. Но жить — будет долго, потому что писалась по-настоящему и о настоящем.

ЕЩЕ ЛУРЬЕ

Фамилия Лурья (Лурье) — одна из самых распространенных у евреев. Эллинист Соломон Яковлевич Лурье возводил ее к античности (в статье *Фамилия Луриа в римском Египте*, 1924, напечатанной в Еврейской старине). Современные источники этой старине почему-то не поверили. Одни производят фамилию от названия городка в северной Италии, другие оставляют без объяснения. Известны разные ее написания: Lauria, Loorie, Lorea, Loria, Lorie, Louria, Lourie, Luria, Lurie, Lurye. Первые упоминания фамилии документированы во Франции, Испании, Италии и Северной Африке в X-XIII веках. Генеалогическое древо прослеживается во всяком случае на 25 поколений. Его связывают с талмудистом Раши (рабби Шломо Ицхаки, 1040-1105). Самые знаменитые носители фамилии — польский талмудист рабби Шломо бен-Иехиэль Лурия (1510-1573), он же Рашаль и Махарашаль, и палестинский каббалист Ицхак бен-Шломо Ашкенази Лурия (1534-1772). Дальше идут:

— советский еврейский писатель Ноах (Ноях Гершелевич) Лурье (1885-60);

— советский физик и механик-теоретик Анатолий Исаакович Лурье (1901-80; двоюродный брат Соломона Яковлевича Лурья);

— советский нейропсихолог Александр Романович Лурия (1902-77);

— советский еврейский писатель Нотэ (Натан Михайлович) Лурье (1906-87);

— нобелевский лауреат, генетик и микробиолог американец Сальвадор-Эдвард Луриа (1912-91)

— …И еще многие.

Перечисленных знают общие энциклопедии на русском языке и еврейские энциклопедии. Русские энциклопедии — чуть-чуть шальные: многих не помнят; например, Большой энциклопедический словарь забыл эллиниста Соломона Яковлевича. В новых изданиях, можно не сомневаться, появятся новые Лурье. Например, русский, а затем американский композитор Артур Лурье (1892-1966), приятельствовавший с Ахматовой — и забытый, поскольку он был эмигрантом. (Сейчас его вспомнили и исполняют.) Британника, ни про одного из русских и советских Лурье не слыхивавшая (зато она знает птичку lourie, по-русски турако, или банановед), расширяет наш список всего одним именем — американской писательницы Алисон Лурье (р. 1926). О других западных носителях этой фамилии

рассказывает книга Нила Розенстайна (Neil Rosenstein) *The Lurie Legacy: The House of Davidic Royal Descent*. Как видим из названия этого труда, Лурье метят высоко: возводят свой род к самому царю Давиду.

2004, 29 января 2005, Лондон

журнал NOTA BENE (Иерусалим) №7, 2005.

ЮРИЙ КОЛКЕР, 2006, ЛОНДОН